

19. Definition of the Nizhny Novgorod regional court of December 28, 2010 on the case No. 33-11434/2010 [Electronic resource] // «The consultant plus». URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1151275> (date of viewing: 06.02.2016).

Как цитировать статью: Рыженков А. Я. Принцип «единства судьбы» земельных участков и прочно связанных с ними объектов и проблемы его реализации // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 2 (35). С. 185–190.

For citation: Ryzhenkov A. Ya. Principle of the «uniform of destiny» of the land plots and the objects tightly connected with them and the issues of its implementation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2016. № 2 (35). P. 185–190.

УДК 347.4
ББК 67.404.201

Kvitsiniya Natalia Vyacheslavovna,
candidate of law,
assistant professor of the department of civil law of
Volgograd Business Institute,
Volgograd,
E-mail: maksim20777@yandex.ru

Квициния Наталья Вячеславовна,
канд. юрид. наук, доцент
кафедры гражданского права
Волгоградского института бизнеса,
г. Волгоград,
e-mail: maksim20777@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЯЗАТЕЛЬСТВО» В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ISSUES OF DEFINITION OF THE CONCEPT «OBLIGATION» IN LIGHT OF CHANGES OF THE CIVIL LEGISLATION

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
12.00.03 – Civil law; entrepreneurship right; family law; international private law

В статье проанализировано современное понятие «обязательство», а также дается сравнительно-правовой анализ понимания данного института гражданского права. Автором выявлена юридическая сущность обязательства и его отличие от договора и соглашения. Раскрываются новые виды обязательства, ранее не закрепленные в законодательстве: альтернативные и факультативные. Особое внимание уделено возобновлению течения срока исковой давности при признании долга должником, которое, по мнению автора, хоть и является новым для российского гражданского права, будет примером «мертвой» нормы. Рассмотрен абсолютно новый для российской системы гражданского права институт воздействия на должника – астрент.

The article analyzes the modern concept of the obligation, as well as provides comparative-legal analysis of understanding of the civil law institution. The author reveals legal essence of obligation and its difference from the contract and agreement. New kinds of obligation not previously fixed in legislation are discussed, such as alternative and facultative ones. The special attention is given to renewal of the term of limitation of actions with recognition of the debt by debtor, which, according to the author, is new to the Russian civil law, however, will become an example of the «dead» norm. The new Russian civil law institution of influence on the debtor – astreinte – is examined.

Ключевые слова: гражданское право, обязательство, договор, соглашение, должник, кредитор, признание долга, исковая давность, альтернативное обязательство, факультативное обязательство, астрент.

Keywords: civil law, obligation, contract, agreement, debtor, creditor, recognition of debt, limitation of actions, alternative obligation, facultative obligation, astreinte.

Свобода распоряжения своим имуществом, стоимость которого, как правило, ни для гражданина, ни для организации законом не ограничена, в сочетании с заинтересованностью в максимально выгодном использовании имущества привели к появлению в гражданском обороте правовых институтов, неизвестных действовавшему ранее законодательству.

Договорные обязательства стали самыми распространенными в гражданском обороте. От их исполнения зависит в значительной мере устойчивость экономики и общества в целом. Принцип свободы договора, вытекающий из Конституции РФ (ст. 8, 35, 36, 74), получил дальнейшее развитие в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ). Особое значение имеют нормы гражданского законодательства об определении договорного обязательства. Они повседневно применяются в практической деятельности юридических лиц и граждан.

Между тем практика судов показывает, что зачастую договоры заключаются небрежно, не содержат необходимых условий, направленных на реализацию интересов сторон, не включают в себя меры по обеспечению договорных обязательств. В ходе исполнения подобных договоров нередко возникают вопросы, по-разному толкуются сторонами одни и те же условия и, как результат, имеет место массовое неисполнение сторонами своих обязанностей, что приводит к многочисленным конфликтам.

Важнейшая задача современной юридической науки и практики – создание правовых механизмов, позволяющих наиболее эффективно обеспечить надлежащее исполнение договорных обязательств и возместить пострадавшей стороне потери, причиненные их неисполнением или ненадлежащим исполнением, что и определило выбор темы автором.

В современной российской юридической литературе имеется ряд работ, предмет которых – изложение содержания отдельных институтов гражданского права России об исполнении обязательств. Отличие данной работы

видится в анализе и проработке проблем, связанных с определением обязательства, в обобщении, анализе и сравнении новейшего российского законодательства и актов международного частного права по данной тематике с ранее действовавшим нормами.

Целью настоящей работы является изучение современного понимания понятия «обязательство» и его практического применения. Автор в статье ставил следующие **задачи**: охарактеризовать понятие «обязательство» и его изменение в истории гражданского права; выявить отличительные особенности обязательства в свете изменений действующего законодательства.

Само понятие «обязательство», его юридическая конструкция и содержание были разработаны и глубоко проанализированы римскими юристами. Уже Юстиниан в своих Институциях написал, что «обязательство – это оковы права, в силу которых мы связаны необходимостью что-либо исполнить в согласии с правом нашего государства» [1, с. 371].

Данное высказывание дает нам возможность судить о том, что в содержание обязательства входили только обязанности должника, а второй субъект обязательства даже не упоминался, не раскрывался и его статус. Но уже в своих Дигестах, которые состояли из сочинений выдающихся юристов, Юстиниан выводит сущность обязательства, которая состоит не в том, чтобы «сделать какой-нибудь предмет нашим или какой-нибудь сервитут нашим, но чтобы связать другого перед нами, дабы он дал что-нибудь или сделал, или предоставил» [2, с. 41].

Именно Дигесты и легли в основу рецепции римского права.

Данная римскими юристами трактовка обязательства, само его содержание через осуществление конкретных действий раскрывается понятиями: «дать», то есть обеспечить надлежащую передачу вещи либо в собственность, либо во владение; «сделать» подразумевает совершение определенных действий в интересах кредитора; «предоставить» – значит возместить причиненный вред.

Глубокие исследования римского права привели И. А. Покровского к выводу о том, что обязательство является юридическим отношением субъектов права, в соответствии с которым лицо имеет право требовать от другого исполнения чего-либо в свою пользу.

Современное понятие обязательства дается в ст. 307 ГК РФ: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» [3].

Данная законодателем трактовка понятия обязательства нашла поддержку и одобрение далеко не у всех российских юристов. Многие ученые, следуя учению О. С. Иоффе об обязательстве, считают не нужным включать в него примерный перечень действий должника, на которые вправе притязать кредитор (передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги). Сама природа общих понятий, в частности обязательства, по мнению О. С. Иоффе [4, с. 41], не допускает использования ни примерного, ни тем более исчерпывающего перечня. При этом он был категорически против внесения в данное определение альтернативности (совершение действия или воздержание от него), так как считал данную вариативность неточной, ибо должник всегда обязывается либо только к активным действиям, либо также к воздержанию от определенных действий, но непременно сопутствующему активной деятельности, а не заменяющему ее.

Против законодательного определения обязательства выступал В. С. Толстой [5, с. 105].

Юридическая сущность обязательства проявляется во взаимодействии кредитора и должника, и «его общей целью является установление некоторой обязанности одного в пользу другого, некоторого специального поведения должника в интересах кредитора» [6, с. 236].

Для достижения целей нашего исследования необходимо разграничить понятие «обязательство» и его сущность с понятием и сущностью договора.

Ф. К. Савиньи [7, с. 140] считал, что обязательство представляет собой господство над одиночными действиями другого лица.

Из данного высказывания можно сделать вывод, что основополагающим признаком обязательства выступает возможность управомоченного субъекта требовать определенного поведения от конкретного лица.

Классики российской цивилистики Д. И. Мейер и Г. Ф. Шершеневич придерживались аналогичной точки зрения. Г. Ф. Шершеневич считал, что обязательство – «такое юридическое отношение, из которого обнаруживается право лица на известное действие другого определенного лица» [8, с. 346–350]. Определение Г. Ф. Шершеневича позволяет нам прийти к выводу о том, что обязательство является правоотношением, которое порождает право требовать определенных действий от конкретного субъекта. Д. И. Мейер расценивал обязательство как «право на чужое действие» [9, с. 106].

К. П. Победоносцев, считал, что обязательство и договор являются схожими понятиями и основу любого обязательства всегда составляет соглашение сторон. Изучением правовой сущности обязательства занимались самые видные деятели дореволюционной и советской цивилистики: В. И. Синайский, А. Г. Гойхбарг, М. М. Агарков, Л. А. Лунц, С. И. Вильянский.

Правовая конструкция обязательства, предложенная О. С. Иоффе, поддерживается практически всеми российскими цивилистами. В своих работах по гражданскому праву он писал о том, что обязательство является закрепленным законом общественным отношением по перемещению имущества и иных результатов труда, в силу которого одно лицо (кредитор) вправе требовать от другого лица (должника) совершения определенных действий и обусловленного этим воздержания от совершения определенных других действий [10, с. 351].

По мнению О. Н. Садикова и Г. Д. Лихачева, понятия «обязательство» и «обязательственное право» должны рассматриваться как тождественные.

Следует отметить, что в большинстве научных публикаций преобладает мнение о тождественности понятий «обязательство» и «обязательственное правоотношение», но не как «обязательственное право» [4, с. 7].

Н. Д. Егоров [11, с. 572] отождествляет понятия «обязательство» и «обязательственное правоотношение» и выводит их содержание к опосредованию каких-либо благ, имеющих материальное выражение.

В. А. Белов приходит к выводу о тождественности «обязательственного правоотношения» и «договора» [12, с. 330–338].

В результате проведенного анализа различных точек зрения на исследуемую проблему, можно прийти к выводу о том, что законодатель также в ст. 307 ГК РФ не ограничивается понятиями «обязательство», «соглашение», «договор» (и в этой части мы полностью согласны с законодателем), так как, вопреки мнению Н. Д. Егорова и В. А. Белова,

обязательства далеко не всегда возникают из соглашения сторон, в том числе из договора.

В международном частном праве обязательства, как правило, регулируются законом автономии воли. По мнению Н. В. Квициния, «реализация закона автономии воли создает огромные проблемы, так как может сложиться ситуация, когда несколько разделов договора урегулированы сторонами по законодательству нескольких государств с их взаимного согласия, а к остальным частям договора стороны не предусмотрели применимое право, в результате чего суд не может однозначно применить любое право, как иностранное, так и национальное» [13, с. 277–278].

По нашему мнению, обязательства нельзя рассматривать только как отношения между двумя физическими или юридическими лицами. Одним из видов обязательства можно назвать обязанность учредителя юридического лица внести часть уставного капитала. Как указывает Н. В. Квициния, «если учредителю юридического лица предоставлено право передавать в качестве вклада в уставной капитал обремененное залогом имущество, то в случае несостоятельности данного лица такое имущество подлежит распределению исключительно в пользу залогодержателя, и в это же время иные кредиторы данного лица могут полностью лишиться возможности получить даже часть причитающегося им имущества, так как абз. 2 ч. 2 ст. 64 рассматриваемой редакции ГК РФ установлено право преимущественного удовлетворения требований, обеспеченных залогом» [14, с. 249]. Из сказанного вытекает, что в действующем регулировании института обязательства существуют значительные проблемы.

Таким образом, любое обязательственное правоотношение является сложным правовым явлением, заключающим в себе одновременно регулятивные и охранительные функции как различных институтов и норм гражданского права, так и в некоторых случаях других отраслей права.

Современное законодательство стремится внести более детальное регулирование в сферу обязательственных отношений. Так, 8 марта 2015 года Федеральным законом № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [15] (далее – ФЗ № 42) в ГК РФ [3] были внесены изменения в обязательственную часть гражданского законодательства России. В некоторой степени они законодательно закрепили наработки судебной практики и обычаев гражданского оборота, например, введение понятий альтернативного и факультативного обязательств в статьях 308.1–308.2. ГК РФ.

Ст. 312 ГК РФ (об исполнении обязательства надлежащему лицу) кардинально изменила существующие правовые категории. Также указанные документы внесли в гражданское законодательство совершенно новые правовые категории, например, введение опциона в ст. 327.1. ГК РФ. Некоторые изменения являются, безусловно, положительными, другие вызывают у теоретиков и практикующих юристов обоснованные сомнения в необходимости их введения, третьи, по мнению многих ученых, являются крайне вредными и могут негативно сказаться на деловом обороте России в будущем. В настоящей статье мы рассмотрим только часть внесенных поправок в ГК РФ: ст. 308.1 и 308.2 (альтернативные и факультативные обязательства).

Под альтернативным обязательством понимается обязанность должника совершить одно из нескольких вариантов исполнения обязательства по своему усмотрению, а в установленных случаях право такого выбора предоставлено кредитору или третьему лицу. Понятие «альтернативное

обязательство» до введения в действие исследуемых изменений использовалось только в научной литературе, а судебная практика, фактически, разрешала споры, связанные с исполнением альтернативных обязательств, руководствуясь только принципом разумности и добросовестности в гражданских правоотношениях. По нашему мнению, введение данного понятия на законодательном уровне упорядочит судебную практику и приведет к положительным результатам. В качестве примера можно привести случай, когда кредитор, имеющий соответствующее право по сделке, требует от должника, просрочившего (ненадлежащим образом исполнившего) исполнение обязательства, либо вернуть часть денежных средств, уплаченных по сделке, либо безвозмездно предоставить определенное количество товара на аналогичную сумму.

Под факультативным обязательством понимается право должника, выраженное в условиях обязательства, заменить исполнение обязательства другим, предусмотренным в сделке. При этом кредитор обязан принять замененное исполнение. В качестве примера мы можем привести довольно распространенный на практике случай, когда поставщик по каким-либо причинам не может поставить товар определенной марки, однако имеет возможность продать товар, не уступающий ему по своим свойствам. Данное положение ГК РФ также вытекает из судебной практики и, безусловно, послужит укреплению гражданского оборота, но только при условии его дальнейшей детальной разработки в судебных актах.

Одним из важнейших изменений института обязательственного права является введение части 2 в ст. 206 ГК РФ о возобновлении течения срока исковой давности в случае признания долга должником. На первый взгляд, данное изменение является положительным, однако, по мнению автора, в практике оно будет мало использоваться и фактически будет являться «мертвой» нормой, а также может послужить злоупотреблением должником своими правами по обязательству. Такие сомнения у нас вызвала формулировка «если по истечении» срока исковой давности, которая относит возможность возобновления течения срока исковой давности путем письменного признания долга должником ко времени, когда срок исковой давности по этому обязательству уже истек. На наш взгляд, указанная норма сформулирована императивно и не сможет на практике трактоваться в пользу кредитора. Таким образом, письменное признание должником долга, например, за месяц до истечения срока исковой давности, никаким образом не повлияет на возобновление его течения заново.

Названные факты приводят нас к выводу, что законодатель допустил серьезный пробел при подготовке новой редакции ГК РФ, при этом явно преследуя положительные цели. Так, в деловом обороте получили широкое распространение гарантийные письма должников, в соответствии с которыми они подтверждают свои обязательства и тем самым, по предварительной договоренности с контрагентом, оттягивают исполнение своего обязательства, которое они не в состоянии выполнить в установленный срок. В подавляющем большинстве случаев кредиторы «идут на встречу» должнику и предоставляют такую отсрочку, особенно когда денежный эквивалент обязательства очень высок.

Еще одним распространенным на практике документом является акт сверки взаимных расчетов между сторонами обязательства. Суды усматривают, что из акта сверки невозможно установить, какое именно обязательство породило долг, а также то, что он не является документом первичного бухгалтерского учета и единственным бесспорным доказательством

наличия долга. Однако, вкупе с другими доказательствами, он принимается судами к рассмотрению. Мы полагаем, что более удачной была бы следующая формулировка ч. 2 ст. 206 ГК РФ: «2. Если в течение срока исковой давности либо после его истечения должник или иное обязанное лицо признает в письменной форме свой долг, течение исковой давности начинается заново». Акт сверки наравне с гарантийными письмами, на наш взгляд, в свете таких изменений ст. 206 ГК РФ, мог бы стать одним из способов письменного подтверждения долга должником по обязательству. Приведенная нами формулировка ст. 206 ГК РФ позволила бы сторонам обязательства более гибко предоставлять друг другу отсрочки в его исполнении, при этом у кредитора не было бы риска утратить право на получение причитающегося исполнения в связи с истечением срока исковой давности. На наш взгляд, ограничение во времени признания долга должником существенно не повлияет на сложившийся деловой оборот в части регулирования сроков исковой давности.

Изменения, внесенные ФЗ № 42, коснулись понятия обязательств, расширили основания их возникновения, а также продублировали принцип добросовестности, установленный ст. 10 ГК РФ. Также названным законом был введен порядок применения общих положений об обязательствах в ст. 307.1 ГК РФ. По содержанию этот порядок полностью соответствует положениям, разработанным теоретиками права, устанавливая приоритет специальных норм перед общими. По мнению автора, в данной норме законодатель допустил только одну неточность, а именно: в ст. 307.1 ГК РФ указано на применение общих положений об обязательствах конкретно к договорным обязательствам, а не ко всем сделкам, что приводит к ограничению применения общих положений только рамками договорных сделок, при этом необходимо было распространить эти положения на все сделки. Как повлияет данная позиция законодателя на правоприменительную практику, покажет время.

Безусловно, положительным нововведением является внедрение в гражданский оборот астрента, то есть одного из способов воздействия на должника по обязательству в виде возложения на него дополнительных денежных санкций на случай, если он не исполнит решение суда в установленный срок. Необходимо обратить внимание на то, что до 01.06.2015 года в России не существовало возможности воздействия на должника кроме как путем возбуждения исполнительного производства, а кредиторы, зачастую, по-прежнему не имея возможности пользоваться исполнением обязательства, лишались законной возможности принудить должника, чтобы ускорить исполнение обязательства. Ранее одним из способов возмещения потерь от просрочки должником исполнения своего обязательства была необходимость многократного обращения в суд с самостоятельными требованиями: сначала за взысканием основного долга, договорных и законных санкций, и только после вступления решения суда в силу и вынесения исполнительного листа, в случае если должник не осуществляет добровольное исполнение, кредитор имел право повторно обратиться в суд с целью взыскания договорных и/или законных санкций с момента вынесения первого решения суда до фактического исполнения. Такая процедура являлась крайне сложной, и подавляющее большинство хозяйствующих субъектов не имели фактической возможности ее применения, так как затраты на ее реализацию чаще всего значительно превышали потенциальную выгоду, а также занимали очень много времени. Институт астрента

известен гражданскому законодательству большинства европейских стран и активно используется как способ воздействия на должника по обязательству. Можно предположить, что заключаемые юридическими лицами внешнеэкономические сделки будут активно его применять. В данном случае введенное в ГК РФ понятие астрента является императивной нормой, и «государство, где рассматривается спор, должно придерживаться аналогичных ценностей, защищаемых сверхимперативной нормой. Сверхимперативная норма не должна быть направлена на защиту узких и эгоистических интересов отдельно взятого государства, а представлять собой общую ценность в рамках международного сообщества» [13 с. 277].

Введение астрента, безусловно, должно в значительной степени дисциплинировать участников гражданского оборота в России и нацелить их, в первую очередь, на надлежащее и своевременное исполнение своих обязательств.

Еще одним нововведением стало дополнение ст. 312 ГК РФ в части предоставления права должнику задержать исполнение обязательства до момента предоставления кредитором подтверждения полномочий представителя. На наш взгляд, данная норма является крайне отрицательной и может в значительной степени затруднить гражданский оборот в РФ. Столь негативную оценку вызвало предоставление законодателем дополнительной возможности должнику отсрочить исполнение своего обязательства путем отказа выдачи этого исполнения представителю кредитора только по формальным основаниям, а именно при отсутствии у него нотариально удостоверенной доверенности на получение конкретного исполнения. Подобная формулировка предоставляет должнику право отказать в выдаче исполнения даже представителю с нотариально удостоверенной доверенностью, в которой содержатся общие полномочия, например, «право получения причитающегося имущества и денег», а не право на получение конкретного исполнения, например, «получения десяти пачек канцелярской бумаги марки...». Указать на представителя, который будет принимать от должника исполнение, непосредственно в договоре не всегда представляется возможным, а затягивание процесса получения исполнения до момента получения от кредитора подтверждения полномочий представителя (например, получение от него соответствующего письма по почте) может вызвать убытки у кредитора, особенно если кредитор работает в «реальном» секторе экономики и закупает продукцию вне места своего нахождения. Безусловно, приведенные примеры являются отражением самых бесспорных вариантов развития отношений, однако ГК РФ не может непосредственно регулировать все без исключения гражданско-правовые отношения и содержит, соответственно, общие правила поведения в тех или иных ситуациях. В связи с этим законодательное предоставление возможностей должнику для злоупотребления своими правами не может быть оправдано внедрением такой нормы.

С введением указанных изменений получили законодательное закрепление соглашения между кредиторами о порядке удовлетворения их требований. В действующем гражданском законодательстве это совершенно новый институт, однако на практике подобные соглашения встречаются (безусловно, не в такой форме, в какой их предложил законодатель). Чаще всего такие соглашения выражались в виде мирового соглашения должника с кредиторами, определяющего порядок удовлетворения требований последних, однако это имело место в основном на стадии процедур банкротства юридических лиц. Очень редко к такой категории

относились многосторонние цессионные соглашения. Введенная законодателем конструкция ст. 309.1 ГК РФ до настоящего момента еще не была в полной мере апробирована в правоприменительной практике, однако и сейчас мы можем выделить несколько существенных моментов:

– часть первая названной статьи прямо указала на возможность подобного соглашения именно между кредиторами должника, причем без участия последнего, в связи с чем можно сказать, что такие соглашения получают наибольшее распространение на стадии банкротства лиц, так как о наличии других кредиторов лицо практически всегда узнает только после ознакомления с реестром требований кредиторов на стадии банкротства лица;

– эта же норма прямо предусмотрела возможность указать в таком соглашении на непропорциональность удовлетворения требований всех кредиторов, что, по нашему мнению, в некоторой степени, противоречит принципу добросовестности в гражданских отношениях, однако такое соглашение заключается на добровольной основе и, соответственно, к нему могут быть применены последствия недействительности сделок с пороком воли. По нашему мнению, прямое указание закона на возможность предусмотреть в подобных соглашениях непропорциональность удовлетворения требований кредиторов, особенно на фоне внедрения в гражданский оборот банкротства физических лиц, может привести к принуждению (в том числе и путем физической силы) одним кредитором других к подписанию заведомо несправедливого соглашения. При этом мы не можем быть уверены, что такие принуждения смогут быть выявлены в установленном законом порядке. На основании изложенного, мы приходим к выводу о несвоевременности введения в гражданский оборот положения о соглашении между кредиторами, так как для эффективной его реализации необходимо чтобы гражданское общество обладало высоким уровнем правосознания и правовой культуры;

– частью второй ст. 309.1 ГК РФ императивно установлены: а) запрет на получение одним из кредиторов от должника исполнения в нарушение условий такого соглашения и б) обязанность вернуть исполнение, полученное в нарушение такого соглашения, надлежащему кредитору;

– частью третьей рассматриваемой нормы предусмотрено, что соглашение между кредиторами не создает каких-либо обязанностей для лиц, которые не участвуют в нем в качестве сторон, а именно для должника и других кредиторов. Таким образом, кредитор, не имеющий отношения к такому соглашению и получивший исполнение своего требования, никоим образом не будет обязан возвращать его другим кредиторам, а должник будет считаться действовавшим добросовестно. На практике это может привести к ситуации, когда один из кредиторов банкрота, отказавшийся заключить подобное соглашение и получивший исполнение, не будет иметь каких-либо обязанностей перед иными кредиторами, при этом возможность вернуть это исполнение в конкурсную массу будет возможно только сложным путем доказывания недобросовестных действий этого кредитора.

Из приведенного выше общего анализа статьи 309.1 ГК РФ мы приходим к выводу, что законодатель имел положительные мотивы внедрения в гражданский оборот соглашений между кредиторами о порядке удовлетворения их требований, однако в этой норме имеются недоработанные моменты.

Обязательство является одним из основополагающих институтов гражданского права, поэтому его детальное регламентирование играет огромную роль в укреплении гражданских отношений и стабилизации гражданского оборота в целом. Проведенный анализ нововведений приводит нас к выводу, что глобальные изменения обязательственной части гражданского права носят недоработанный характер и не будут способствовать эффективному регулированию гражданско-правовых отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Покровский И. А. История римского права. СПб., 1999. 560 с.
2. Барина М. А., Максименко С. Т. Римское частное право. М., 2006. 208 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015) // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2015. № 27. Ст. 3945.
4. Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. 872 с.
5. Толстой В. С. Понятие обязательства по советскому гражданскому праву // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. XIX. М., 1971.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. 234 с.
7. Савиньи Ф. К. Обязательственное право: пер. с нем. / предисл. В. Ф. Попондопуло. СПб. : Юрид. центр пресс, 2004. 574 с. (Антология юридической науки).
8. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула : Автограф, 2001. 720 с. (Серия: Юридическое наследие. XX век).
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право : по исправл. и дополн. 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. 789 с.
10. Иоффе О. С. Советское гражданское право: курс лекций. Л., 1958. 494 с.
11. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2004. Т. 1. 600 с.
12. Белов В. А. Эволюция понятия обязательства в российском гражданском праве // Гражданско-правовые обязательства: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. С. 3–36.
13. Квициния Н. В., Нарушкевич С. В. Проблемы понятия и правового статуса сверхимперативных норм в международном частном праве: сравнительно-правовой анализ // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4 (33). С. 275–279.
14. Квициния Н. В. Новые тенденции развития института юридических лиц в свете изменений современного гражданского законодательства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4 (29). С. 248–251.
15. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. М. : Юрид. лит., 2015. № 10. Ст. 1412.

REFERENCES

1. Pokrovsky I. A. History of Roman law. SPb., 1999. 560 p.
2. Barinova M. A., Maksimenko S. T. Rome private law. M., 2006. 208 p.

3. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No.51-FZ (revision as of 13.07.2015) (revised and amended and put in effect on 10.2015) // Collection of the RF legislation. M. : Legal literature, 2015. No. 27. Article 3945.
4. UIoffe O. S. Obligation law. M., 1975. 872 p.
5. Tolstoy V. S. Concept of obligation according to the Soviet civil law // Scientific notes of VYuZI. Issue XIX. M., 1971.
6. Pokrovsky I. A. Main issues of civil law. M., 1998. 234 p.
7. Savigni F. K. Liability law: translation from German / introduction by V.F. Popondopulo. SPb. : Legal center press, 2004. 574 p. (Anthology of legal science).
8. Shershenevich G. F. Course of civil law. Tula: Autograph, 2001. 720 p. (Series: Legal heritage. XX-th century).
9. Meyer D. I. Russian civil law: based on revised and amended 8th edition, 1902. 3d edition, revised. M.: Statute, 2003. 789 p.
10. Ioffe O. S. Soviet civil law. Course of lectures. L., 1958. 494 p.
11. Civil law: textbook / under the editorship of A.P. Sergeyeva, Yu.K. Tolstoy. M., 2004. V. 1. 600 p.
12. Belov V. A. Evolution of the concept of obligation in the Russian civil law // Civil-law obligations: issues of the theory and practice. Collection of scientific works. Vladivostok: Publishing house of the Far East university, 2001. P. 3–36.
13. Kvitsiniya N. V., Narushkevich S. V. Issues of the concept and legal status of the superimperative norms in the international private law: comparative legal analysis // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2015. No 4 (33). P. 275–279.
14. Kvitsiniya N. V. New tendencies of development of institute of legal bodies in the light of changes of the modern civil legislation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2014. No. 4 (29). P. 248–251.
15. The federal law dated 3/8/2015 No. 42-FZ «On amendments of part one of the Civil Code of the Russian Federation» // Collection of the RF legislation. M. : Legal literature, 2015. No. 10. Article 1412.

Как цитировать статью: Квициния Н. В. Проблемы определения понятия «обязательства» в свете изменений гражданского законодательства // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 2 (35). С. 190–193.

For citation: Kvitsiniya N. V. Issues of definition of the concept of «obligation» in light of changes of the civil legislation // Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute. 2016. No. 2 (35). P. 190–193.

УДК 349.3
ББК 67.405.2

Medvedev Andrey Valeryevitch,
candidate of law, associate professor
of the department of social law,
state and municipal service
of the Urals State University of law,
Ekaterinburg,
e-mail: Medwedewa.catia2011@yandex.ru

Медведев Андрей Валерьевич,
канд. юрид. наук, доцент
кафедры социального права,
государственной и муниципальной службы
Уральского государственного юридического университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: Medwedewa.catia2011@yandex.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПЕРИОД С 1937 ПО 1991 ГОД

THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF PRINCIPLES OF SOCIAL SECURITY LAW IN THE PERIOD FROM 1937 TO 1991

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения
12.00.05 – Labor law; social security law

В статье анализируются проблемные вопросы, связанные с развитием системы принципов права социального обеспечения в период СССР. Рассматриваются аспекты, связанные с формированием отдельных принципов права социального обеспечения, выступивших основой современной системы принципов права социального обеспечения. Наряду с этим автором сформулирован перечень основных принципов, сформировавшихся за период с 1937 по 1991 год. Акцентируется внимание, что принципы советского права социального обеспечения выполняли огромную роль в правовой регламентации социальных обеспечительных отношений. Более того, принципы советского права социального обеспечения выступили ключевыми идеями развития права социального обеспечения как самостоятельной отрасли российского права.

The article analyzes the problematic issues related to the development of the system of principles of the Soviet period of our state. Considers some aspects related to the formation of certain

principles of social security law, speaking basic modern principles of social security law. Along with this, the author formulated a list of basic principles that emerged during the period from 1937 to 1991. The author emphasizes that the principles of Soviet social security law performed a huge role in legal regulation of social security relations. Moreover, the principles of Soviet social security law has been the key ideas for the development of social security law as an independent branch of Russian law.

Ключевые слова: право, право социального обеспечения, социальное обеспечение, принципы права, принципы права социального обеспечения, алиментарный, социальная защита, социальная политика, советский период, советское право.

Key words: law, social security law, social welfare, principles of law principles of the law of social security, nutritional, social protection, social policy, soviet period, soviet law.